

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Б.В. Куприянов

Загородный детский лагерь в исторической ретроспективе

В статье представлена новая объяснительная модель загородного детского лагеря на основании концепции Мишеля Фуко. Автор статьи предлагает рассматривать летний лагерь как интеграцию четырех диспозитивов (речевых дискурсов, культурных практик и типов социальных отношений): «летний лагерь как военное поселение», «летний лагерь как санаторий», «летний лагерь как коммуна», «летний лагерь как дача». На основе анализа материалов историко-педагогических исследований и обобщения данных различных источников произведена историческая реконструкция возникновения и развития практик загородных детских лагерей в середине XIX – первой четверти XX вв.

Ключевые слова: летний лагерь; история образования; концепция М. Фуко.

Модернизация сферы детского отдыха и оздоровления детей в нашей стране актуализирует процесс уточнения и обновления научно обоснованных представлений об институциональной специфике и содержании культурных практик. С одной стороны, детские оздоровительные лагеря активно исследовались в отечественной педагогической науке (В.П. Бедерханова, М.Б. Коваль, С.И. Панченко, М.И. Рожков, С.В. Тетерский, И.И. Фришман, С.А. Шмаков и многие другие), значительное число диссертационных работ (В.Н. Антонов, Ю.В. Бураков, Л.В. Ершова, Л.С. Савинова и другие) посвящено именно лагерю как таковому. С другой стороны, приходится констатировать недостаточную проработку фундаментальной специфики практик детских загородных лагерей. В этой связи становится понятной актуальность разработки концептуальных объяснительных моделей, которые помогут интерпретировать исторические факты развития загородных детских лагерей в XIX–XX вв.

Анализ публикаций Б.А. Дейча, Ю.Г. Листопадова, Н.П. Царёвой, М.О. Чекова, И.Ю. Юрочкиной позволяет выявить специфику детских лагерей второй половины XIX – первой половины XX в. Первые полвека своего существования деятельность подобных организаций являлась результатом воплощения различных общественно-педагогических инициатив.

В текстах прослеживаются две тенденции возникновения первых загородных лагерей («летних детских колоний»): реализация частных инициатив, деятельность общественных организаций (например, YMCA — молодежная христианская организация) и инициатив образовательных учреждений (в России — кадетских корпусов, городских училищ). Инициаторами создания первых детских лагерей выступали священнослужители (швейцарский пастор Г.В. Бион), частные благотворители (княгиня Е.Ф. Стрешнева-Шаховская), руководители и попечители учреждений (Е.В. Орлова — попечительница Московского городского училища, Ф.У. Ганн — директор Guntery School в Вашингтоне).

Хрестоматийным примером организации детского отдыха и оздоровления является опыт С.Т. Шацкого и А.У. Зеленко по созданию летних детских колоний (первая — в 1905 г. на реке Клязьме в Щёлково, в 1911 г. — «Бодрая жизнь» в Калужской губернии).

Основываясь на историко-педагогическом анализе деятельности первых организаций детского отдыха (так называемых летних колоний), можно утверждать, что:

- основной миссией этих организаций была компенсация недостатков жизни ребенка в летний период в крупном городе (недостаток зеленых насаждений во дворах, платность парков, занятость родителей, отсутствие у них отпусков в этот период времени). В этой линии проявляются идеи викторианского общества о широком использовании сил природы для физического и морального развития человека;

- целевой группой летних колоний являлись ослабленные дети из бедных семей (отправка осуществлялась только по назначению школьных врачей), важнейшее значение придавалось организации питания (дети обеспечивались молоком), велся учет роста и физического развития воспитанников;

- в летних колониях организовывалось обучение детей бытовым и гигиеническим навыкам (заправка кровати, уборка помещений, починка одежды, чистка зубов и т. п.);

- в летних колониях осуществлялось развитие кругозора ребенка путем естественнонаучного просвещения, путешествий, экскурсий, организации сельскохозяйственных работ (работа на огороде, помощь местным крестьянам в уборке сена), походов за грибами, ягодами и лекарственными растениями.

На отечественные практики организации загородных лагерей начала XX в. существенное влияние оказал опыт скаутских лагерей, первый из которых был проведен в 1907 г. в Великобритании.

Новая волна развития практики загородных лагерей в нашей стране приходится на послереволюционное время, в начале 1920-х гг. организация летнего отдыха оставалась сферой общественных инициатив, только инициаторами стали представители пионерской организации и комсомола. Фактически к первой трети XX в. практика организации детского отдыха в нашей стране стала массовой и регулярной, поэтому может быть подвергнута интерпретации.

В качестве методологической основы построения объяснительной модели весьма адекватными представляются идеи известного французского социолога и культуролога Мишеля Фуко. Остановимся на ключевых положениях избранного автора:

- изучение субъекта следует осуществлять таким образом, чтобы исследуемый выступал в качестве результата языковых и общественных практик;
- историческая реконструкция явлений предусматривает их трактовку как порождаемых (конституируемых) социальными практиками, а также дискурсами;
- исследование дискурса (общественной практики существования языка и вещей) может осуществляться не только в историческом или культурном планах, но и в социальном плане — как исследование властных, управленческих отношений;
- при исследовании социальных явлений интегративное единство обнаруживаемых в них дискурсов, конституирующих практик и социальных отношений следует именовать диспозитивом [11].

Работы о типологии воспитательных систем (М.В. Воропаев) и разработки методов типологизации образовательной среды (В.А. Ясвин), наши исследования форм социального воспитания в дополнительном образовании детей, укладов школьной жизни, программ летнего отдыха и оздоровления, позволяют воспользоваться идеей диспозитива как базовой теоретической конструкцией для объяснения как составляющих содержания деятельности, так и самостоятельных профилей деятельности загородных детских лагерей (в случае, если отдельная составляющая содержания преобладает).

Для обозначения диспозитива (дискурс, конституирующие практики и социальные отношения) детского лагеря представляется убедительным воспользоваться метафорами: «санаторий», «коммуна», «военное поселение» («казарма» у М. Фуко), «дача» [3: с. 85]. Основаниями для различения диспозитивов детского загородного оздоровительного лагеря могут служить характеристики, отражающиеся в отношениях между субъектами, культурных практиках и дискурсах:

- *мера императивности* (с одной стороны, директивность, авторитарность, субординированность, власть и подчинение, вертикальность отношений, при которых руководители наделяются полномочиями, а подчиненные — обязанностями, с другой — предоставление возможности субъектам свободно распоряжаться своими правами, допускаются инициатива и самостоятельность в выборе варианта поведения участниками регулируемых отношений, участники получают право урегулировать собственные действия по своему усмотрению, нормы определяют пределы такого усмотрения либо устанавливают процедуры регулирования, участники получают права на выбор образа и пути, допускается экспериментирование);

- *мера совместности* (в максимальной мере осуществляемая сообща коллективная жизнедеятельность, публичная — доступная для обозрения,

открытая, своего рода коллективное принуждение, в минимальной мере совместная (автономная) — жизнедеятельность, в которой для каждого предусмотрена независимая линия движения, возможно уединение, нет необходимости быть вместе).

Следует подчеркнуть, что для каждого конкретного диспозитива детского загородного лагеря характерна сложная конфигурация императивности — совместности, или, другими словами, сочетание черт, обозначенных метафорами. И в то же время можно выделить относительное преобладание таких метафор, как «санаторий», «коммуна», «военное поселение», «дача».

Приступим к историко-педагогической реконструкции отечественного опыта организации загородных детских лагерей.

Конкретные примеры загородного детского лагеря как коммуны в России обнаруживаются в текстах педагогов-инициаторов С.Т. и В.Н. Шацких, А.У. Зеленко (летняя колония в Щёлково), в Педагогической энциклопедии 1928 г., в воспоминаниях Н.В. Богданова («дикий лагерь» в Коломенском на Москве-реке), в исторических исследованиях Ю.Г. Листопадова, Н.П. Царёвой, (палаточные лагеря пионеров на реке Клязьме) и некоторых других.

Можно предположить, что предпосылками зарождения практики загородного детского лагеря как коммуны были такие явления, как, например, деятельность ярославского педагога К.Л. Студитского, воспитанники которого во время похода в Кострому 10 дней помогали крестьянам на сенокосе. В годы Первой мировой войны в Российской империи возникает движение трудовых дружин (отрядов, артелей) учащихся, которые направлялись в помощь семьям мобилизованных крестьян [5: с. 57]. Как пишет С.В. Букалова: «Осенью 1915 года такие дружины существовали более чем в 20 губерниях и областях империи, в том числе в Сибири, Туркестане, на Кавказе. В Рязанской губернии первая подобная дружина появилась осенью 1915 года. А в следующем году в губернии насчитывалось уже более двух десятков таких дружин и артелей» [2: с. 144].

Рассмотрим далее, каковы же были характерные черты загородного детского лагеря как коммуны. Первой характерной чертой «загородного детского лагеря как коммуны» (демократический совместный диспозитив) можно назвать *самообеспечение, высокий уровень самоорганизации и самообслуживания*, включающего в себя: непосредственное сооружение жилища (шалашей), оборудование пустующих съёмных дач самодельной мебелью и поддержание в должном состоянии помещений, приготовление пищи, заготовку продуктов питания и другое. Так, воспитанники колонии «Бодрая жизнь» в Калужской губернии «корчевали пни, прокладывали дорожки, расчищали участки для будущих плодового сада и ягодника, возводили небольшие постройки. Со временем они обрабатывали огороды и поля, выращивали овощи, рожь и пшеницу. Позже создали свою электростанцию» [12]. Трудовая деятельность детей складывалась из дежурств по хозяйству (на кухне, в прачечной, на скотном дворе) и общественных работ, в которых участвовали все свободные колонисты.

«Все деньги колонии хранились у выбранного на общем собрании казначея, который осуществлял всю отчетность. Очевидно, что дети понимали практический смысл осуществляемой ими деятельности: они налаживали хозяйство, организовывали свой быт, стремились сделать жизнь в колонии более приятной, радостной, уютной и красивой» [12].

Вторая специфическая черта демократического совместного диспозитива состоит в *активном взаимодействии с окружающей социальной средой*, проявляющейся в выполнении тех или иных значимых для детей видов работ. Так, продукты питания колонисты обычно приобретали в соседней деревне в обмен на изготовленные корзины, отремонтированную посуду, выполненные сельскохозяйственные работы. Иногда школьникам доверяли охрану колхозного сада, среди сельских детей они с удовольствием проводили просветительскую деятельность...» [1].

В Педагогической энциклопедии 1928 г. одной из главных задач пионерского лагеря объявлялось «проведение общественно-трудовой работы в деревне в целях укрепления смычки города и деревни... попутно с этим лагерь безусловно содействует более углубленному проведению основных задач пионер-организации: коллективистического воспитания пионера и продвижения его общего развития» [8: с. 487].

Пионеры в селах, расположенных вблизи пионерских лагерей, работали «среди деревенских детей (укрепление деревенского пионер-отряда, проведение с деревенскими детьми бесед о пионерах, о союзе рабочих и крестьян и т. д., привлечение деревенских детей в лагерь, постановка там для них инсценировок, проведение игр, работа в избе-читальне: создание пионерами специальной стенной газеты для избы-читальни, проведение в избе специальной инсценировки о механизации, кооперации и землеустройстве» [8: с. 488].

Реализуя непосредственный интерес, дети перенимали у крестьян разнообразные практические умения, которые применяли для решения задач жизнеобеспечения. Однако окружающая среда (лес, пруд, река и др.) создавали риски для безопасности жизни и здоровья. Так, по воспоминаниям вожатого Н.В. Богданова, пионеры самостоятельно, без всякого контроля взрослых, учились плавать в местах, зачастую не приспособленных для купания.

Обычно лагерь создавались по инициативе самих пионерских отрядов, существовавших при крупных предприятиях или по месту жительства. Пионеры долго готовились к летнему сезону, тренировались, собирали необходимое оборудование, уговаривали родителей и вместе с вожатым выезжали уже сложившимся составом на природу, а возвращаясь, продолжали свою деятельность уже в городе.

Третьей характеристикой коммуны можно назвать *аскетичный (спартанский) образ жизни* и связанный с этим обстоятельством *низкий уровень комфорта проживания*. Так, известно, что первые летние кампусы в Америке располагались в глухих лесах, «как можно дальше от соблазнов большого

города и общества, которое уже проявляло “неправильную” тенденцию к феминизации» [4], в лагерях среди швейцарских Альп «мальчики спали в стогах с сеном», в Подмосковье пионеры жили в шалашах у реки, до места дислокации лагерей добирались самостоятельно: сначала на трамвае, а потом пешком [1].

Еще одна особенность демократического совместного диспозитива — *общественная самоорганизация, демократическая саморегуляция и практическая самозанятость, спонтанность и креативность*. Известно, например, что в колонии С.Т. Шацкого все важные вопросы хозяйственной и внутренней жизни обсуждались на собраниях, которые проводились ежедневно. Так, на одном из первых собраний было принято решение, что дети всё будут делать сами. Они самостоятельно определили режим дня: подъем в 7.00, в 8.00 — чай, после чая — работы, в 12.00 — обед, в 16.00 — чай, после — снова работа, в 20.00 — ужин и в 21.30 — сон; наметили план необходимых работ, очередность дежурства на кухне, придумали название колонии — «Бодрая жизнь» [12].

Сам термин «лагерь-коммуна юных пионеров» обнаруживается в Педагогической энциклопедии 1928 г. В энциклопедической статье лагерь рассматривается как органическое продолжение жизнедеятельности пионерского отряда и противопоставляется лагерю скаутских организаций, который трактуется как «наиболее совершенное выражение милитаристского духа этой системы... подлинный военный лагерь, замаскированный “индейщиной”» [8: с. 487]. Традиционно именно скаутские лагеря связывались в научной литературе с такой специфической культурной формой загородного детского лагеря, как каструм (военное поселение). Однако исследователь Ю.Г. Листопадов считает, что летние лагеря кадетских корпусов стали создаваться еще в 1864 г. [6].

Каковы же были отличительные черты детского лагеря как военного поселения?

Одной из особенностей загородного детского лагеря как военного поселения (императивный совместный диспозитив) является имитация быта военного лагеря. Как в античной римской армии лагеря юных кадетов располагались на берегах рек, воспитанники проживали в полотняных палатках (позже использовались деревянные бараки), перед бараками был небольшой плац, увенчанный мачтой с флагом кадетского корпуса и его вензелем. По воспоминаниям кадетов, день «начинался в 8 часов по “первой повестке”, которую подавал на трубе солдат или барабанщик. По ней мы вставали и шли в “умывалку” — длинный, стоявший в лесу дощатый сарай, в котором находились умывальники с проточной водой и уборная. По второй повестке кадеты выстраивались перед главным баракком, по команде дежурного офицера сигнальщик играл повестку и поднимал флаг на мачте, а мы пели молитву и гимн, после чего строем шли в барак-столовую пить чай» [6].

Наглядным примером служат палаточные лагеря, организованные общественными объединениями «Бригады мальчиков» и «Церковные бригады мальчиков» (Великобритания): еженедельные парады, стрельба из оружия, военная форма (полувоенные головные уборы, ремни, вещмешки), походы.

Второй чертой загородного детского лагеря как военного поселения следует назвать *дозированное, организованное педагогами свободное время воспитанников*. Формы организации досуга регулярно повторялись: «После чая каждый делал, что хотел, при условии не выходить из расположения лагеря до завтрака, после которого, под командой дежурного офицера, нас вели на прогулку в лес, а если погода была солнечная, то купаться в реке... Возвратясь в лагерь, мы пили чай, тянули время, как кто мог, до обеда, а затем ужинали и в 9 часов ложились спать» [6: с. 524]. В досуговых практиках этого диспозитива имели место: экскурсии как на небольшие, так и на длинные расстояния; «два раза в неделю играла музыка, устраивались катание на лодках, рыбная ловля, танцевальные вечера» [4].

Третья характеристика обнаруживается в скаутских лагерях, которые с начала XX в. стали широко распространяться в Европе и Америке: юные разведчики осваивали *способы выживания в природной среде* (учились ориентироваться на местности, разводить костры и тушить пожары, распознавать следы, тренировались в наблюдательности и выносливости, в преодолении стресса, проявлении силы воли, приучались к ежедневному соблюдению правил личной гигиены, овладевали навыками чистки и ремонта одежды и снаряжения). Отсюда видно, что аскетичный (спартанский) образ жизни и низкий уровень комфорта в загородном лагере как военном поселении был скорее не естественным явлением, а элементом игры.

Показателен военный дискурс современного загородного лагеря, который до сих пор эксплуатирует такие понятия, как: «лагерь», «отряд», «рапорт», в настоящее время большинство используемых в лагерях ритуалов соответствуют военным (линейка, вынос знамени, подъем флага).

Важным фактом реализации такого диспозитива, как загородный детский лагерь как санаторий, можно считать создание в 1876 г. доктором Д. Ротроком первого частного лагеря в Уилкс-Барре (штат Пенсильвания), спланированного для улучшения здоровья и физической подготовки детей. В 1880 г. Э. Болкхом был организован лагерь Camp Chocoma для мальчиков в возрасте 12–16 лет на озере Асквам (Asquam), штат Нью-Хэмпшир. В 1885 г. Самнером Ф. Дадли при поддержке организации YMCA (молодежная христианская организация) создан лагерь около Ньюбурга (Newburg), штат Нью-Йорк. Деятельность подобных лагерей была направлена преимущественно на оздоровление детей, включала проведение спортивных мероприятий и выполнение повседневных обязанностей по самообслуживанию: приготовление пищи, уборку и мытье посуды.

В пионерских лагерях конца 20-х гг. XX в. физическое оздоровление пионеров было также главной задачей. Лагерь, призванный с самых первых дней его создания стать опытом лагеря-санатория, был открыт в 1925 г. в Крыму по инициативе и непосредственном участии З.П. Соловьёва, заместителя наркома здравоохранения СССР.

Диспозитив «лагерь как санаторий» характеризуется созданием *максимально комфортных условий для пребывания детей*, здесь силами специальных сотрудников обеспечиваются их проживание, лечение и воспитание. Немаловажную роль организаторы отводили обустройству лагеря. Как свидетельствует Н.В. Богданов, показательный лагерь школы имени А.Н. Радищева было решено разместить в здании сельской школы, где предварительно был проведен небольшой ремонт, подготовлены комнаты для проживания детей. Рядом на участке были установлены полевая кухня и палатки для занятий.

Обустройство лагеря-санатория в Крыму проходило под руководством главного врача, впоследствии заведующего лагерем Ф.Ф. Шишмарева. На берегу моря установили палаточный городок, территория которого освещалась керосиновыми лампами и корабельными фонарями. На костровой площадке установили высокую мачту для флага. Пионеры жили в больших брезентовых палатках, устланных деревянными полами. «Их внутреннее убранство состояло из простых деревянных, обтянутых парусиной кроватей, деревянных табуретов и грубых прикроватных столиков, однако все содержалось в чистоте и порядке. Для столовой использовалось место под тентом, где было расставлено шесть обеденных столов и скамейки. И хотя столы были грубо сколочены из теса, их покрывали белоснежными скатертями, а у каждого пионера была салфетка и кольцо для салфетки» [9: с. 7]. В лагере также были организованы клуб, библиотека, кладовая и врачебный кабинет с изолятором для больных детей.

Загородный детский лагерь как санаторий (от лат. sano — «лечу, исцеляю») — представляет собой диспозитив с императивными отношениями, лечебно-оздоровительным дискурсом (скажем, в повседневной речи используется слово «палата» для обозначения детских спальных помещений), практиками обособленной жизнедеятельности участников. В санаторном дискурсе проявляются идеи викторианского общества о широком использовании сил природы для физического и морального развития человека. Особенностью является *высокая степень регламентации жизнедеятельности детей*: здесь устанавливается распорядок дня, выдвигаются требования по неукоснительному его соблюдению. Например, утро пионеров-артековцев начиналось строго с зарядки, заправки кровати, умывания и растирания жестким полотенцем. После завтрака дети убирали прилегающий парк, чистили пляж, помогали соседней сельскохозяйственной коммуне собирать виноград, фрукты, сено. В лагере был обязателен медицинский осмотр детей и послеобеденный сон.

Как показывает изучение источников, в такого рода оздоровительных лагерях план работы создавался заранее, взаимодействие с окружающей социальной средой задолго планировалось в определенных формах, которые предусматривали созерцательно-эмоциональное взаимодействие, поэтому такое пространство требовало дополнительных усилий по искусственной организации интересных занятий для детей. Так, в «Артеке» пионеры совершали много туристских походов в горы и ближайшие населенные пункты. В лагере

проводились тематические костры и сборы, беседы на актуальные темы, вечера художественной самодеятельности, встречи с интересными людьми. Таким образом, дети *приобретали свой опыт проживания, являющийся решающим фактором социализации, гуманизации и воспитания.*

Но все же основное внимание в «Артеке» уделялось выработке и соблюдению правил внутреннего распорядка с акцентом на оздоровительную работу, воспитанию навыков личной и общественной гигиены. Именно поэтому организация деятельности лагеря была интерпретирована, как первый опыт организации лагеря-санатория. Заместитель наркома здравоохранения З.П. Соловьёв рекомендовал: «Структура, обстановка и жизнь лагеря должны быть основательно продуманы с точки зрения правильно понимаемой гигиены детского возраста. Вместе с тем в лагере надо найти наиболее жизненные и в то же время не нарушающие его основной оздоровительной задачи формы проявления пионерской самодеятельности...» [10]. В лагере-санатории было значительно легче обеспечить безопасность жизни и способствовать укреплению физического и психологического здоровья детей.

Загородный детский лагерь как дача — диспозитив с либеральными отношениями, дискурсом отдыха, практиками относительно обособленной жизнедеятельности участников обозначался в конце XIX – начале XX в. Вообще, культурная практика организованного дачного отдыха для детей возникла как воспроизведение взрослого аналога, термин «дача» возник от слова «давать» в начале XVIII в. (Петр Первый даровал своим приближенным усадьбы под Петербургом). С середины XIX в. выезд жителей крупных городов (кроме малоимущих) на дачи (съёмные загородные дома) в летний период стал массовым явлением. Дачный отдых взрослых горожан превратился в специфическую культуру.

По свидетельству Ю.Г. Листопадова, «1864 года воспитанники военной гимназии, не взятые родителями на каникулы, выступили в лагерь без знамени, ружей и музыки, в летних матросских рубашках, в сопровождении офицеров в сюртуках при оружии... Лагерь предназначался не для строевых и тактических занятий, а должен был служить дачей» [6: с. 521–522].

В 90-е гг. XIX в. в России в рамках общественно-педагогического движения «Сетлемент» организовывались летние дачи для городских детей малоимущих родителей. По воспоминаниям очевидцев, дети хотя и были предоставлены самим себе и в первое время проявляли «все дурные наклонности, привитые им улицей, ссорились, дрались, курили», но постепенно взрослые приучили своих воспитанников ухаживать за огородом, варить себе пищу, убирать свои комнаты [7].

В XX в. широкого распространения дачный диспозитив не получил, но отдельные его элементы отмечаются многими авторами. Как показывает знакомство с мемуарной литературой (в частности, воспоминаниями В.Т. Третьякова), наше социологическое исследование (Москва, май 2017 г.), в 60-е гг.

XX в. массово отмечаются дачные социальные отношения в советских пионерских лагерях как проявление высокого уровня свободы и самостоятельности воспитанников, а также предусматривающие взаимонастраиваемую конвенцию отношений подростков и взрослых.

Таким образом, обобщение данных исторических источников и анализ текстов историко-педагогических исследований дают право утверждать, что содержание деятельности загородного детского лагеря в исторической ретроспективе представляет собой диспозитив — интегративное единство (дискурсов, конституирующих практик и социальных отношений), которые могут быть обозначены в виде метафор «коммуна», «военное поселение», «санаторий», «дача». Загородный детский лагерь как коммуна — диспозитив с демократическими отношениями, дискурсом идейного и кооперативного сообщества лиц, «объединившихся для совместной жизни на началах общности имущества и труда», практиками коллективной жизнедеятельности участников. Загородный детский лагерь как военное поселение — диспозитив с императивными отношениями, военным дискурсом, практиками коллективной жизнедеятельности участников. Быт таких лагерей в полной мере соответствовал культурному аналогу — распространенному во времена античности типу римского военного поселения: четкий военный распорядок дня, регулярные построения, исполнение ритуалов. Санаторный диспозитив — культурный аналог лечебно-профилактической организации для непосредственного лечения и профилактики заболеваний, использующий главным образом природные факторы (климат, минеральные воды, лечебные грязи, морские купания) в сочетании с лечебной физкультурой, рациональным питанием, при соблюдении строго определенного режима лечения и отдыха. Загородный детский лагерь как дача — диспозитив с либеральными отношениями, дискурсом отдыха, практиками относительно обособленной жизнедеятельности участников.

В каждом отдельном случае доля того или иного диспозитива может быть различной, поэтому как в прошлом, так и в настоящем в организации летнего детского отдыха явно просматриваются вышеперечисленные профили детских загородных лагерей.

Литература

1. Богданов Н.В. Когда я был вожатым. М.: Молодая гвардия, 1976. 208 с.
2. Букалова С.В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления, 2015. № 2 (17). С. 141–147.
3. Куприянов Б.В., Тохтиева Л.Н. Загородный детский лагерь: история элементарных частиц (середина XIX – первая четверть XX в.) // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 2. С. 84–91.
4. Листопадов Д.Ю., Листопадов Ю.Г. Летние скаутские лагеря в России в 1910–1917 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: сб. ст. XV Межд. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2016. С. 447–474.

5. *Листопадов Д.Ю., Листопадов Ю.Г.* История российских детских лагерей до 1917 года (лагеря кадетов, потешных, скаутов, летние детские колонии, трудовые дружины учащихся). Шуя: изд-во Шуйского филиала ИвГУ, 2017. 68 с.
6. *Листопадов Ю.Г.* Роль государства и общественных объединений в организации детского летнего отдыха в России // Государство, общество, церковь в истории России XX века: сб. материалов XIII Межд. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. С. 522–527.
7. Организация летнего отдыха детей: учебно-методическое пособие / под ред. Н.П. Царёвой. СПб.: ЛОИРО, 2011. 120 с.
8. Педагогическая энциклопедия / под ред. А.Г. Калашникова при участии М.С. Эпштейна. Т. 2. М.: Работник просвещения, 1928. 634 с.
9. *Стенная А.Ф.* Артек: [Альбом] / отв. ред.: зам. наркома здравоохранения С.А. Колесников, секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Н. Романов. М.: Медгиз, 1940. 214 с.
10. *Соловьёв З.П.* Крым — пионерам // Правда. 1925. 30 ноября.
11. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 2016. 383 с.
12. *Шацкая В.Н., Шацкий С.Т.* Бодрая жизнь. Из опыта детской трудовой колонии. М.: Госиздат, 1924. 180 с.

Literatura

1. *Bogdanov N.V.* Kogda ya by'l vozhaty'm. M.: Molodaya gvardiya, 1976. 208 s.
2. *Bukalova S.V.* Trudovy'e družiny' uchashhixsya kak forma realizacii molodezhnoj politiki v gody' pervoj mirovoj vojny' // Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya, 2015. № 2 (17). S. 141–147.
3. *Kupriyanov B.V., Toxtieva L.N.* Zagorodny'j detskij lager': istoriya e'lementarny'x chasticz (seredina XIX – pervaya chetvert' XX v.) // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. 2017. № 2. S. 84–91.
4. *Listopadov D.Yu., Listopadov Yu.G.* Letnie skautskie lagerya v Rossii v 1910–1917 gg. // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: sb. st. XV Mezhd. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2016. S. 447–474.
5. *Listopadov D.Yu., Listopadov Yu.G.* Istoriya rossijskix detskix lagerej do 1917 goda (lagerya kadetov, poteshny'x, skautov, letnie detskie kolonii, trudovy'e družiny' uchashhixsya). Shuya: izd-vo Shujskogo filiala IvGU, 2017. 68 s.
6. *Listopadov Yu.G.* Rol' gosudarstva i obshhestvenny'x ob'edinenij v organizacii detskogo letnego otdy'xa v Rossii // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX veka: sb. materialov XIII Mezhd. науч. конф.: в 2 ч. Ч. 2. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2014. S. 522–527.
7. Organizatsiya letnego otdy'xa detej: uchebno-metodicheskoe posobie / pod red. N.P. Tsaryovoj. SPb.: LOIRO, 2011. 120s.
8. Pedagogicheskaya e'nciklopediya / pod red. A.G. Kalashnikova pri uchastii M.S. E'pshtejna. T. 2. M.: Rabotnik prosveshheniya, 1928. 634 s.
9. *Stepnaya A.F.* Artek: [Al'bom] / отв. ред.: зам. наркома здравоохранения С.А. Колесников, секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Н. Романов. М.: Медгиз, 1940. 214 с.
10. *Solov'yov Z.P.* Kry'm — pioneram // Pravda. 1925. 30 noyabrya.
11. *Fuko M.* Nadzirat' i nakazy'vat'. Rozhdenie tyur'my' / per. s fr. V. Naumova; pod red. I. Borisovoj. M.: Ad Marginem, 2016. 383 s.
12. *Shaczkaya V.N., Shaczkiy S.T.* Bodraya zhizn'. Iz opy'ta detskoj trudovoj kolonii. M.: Gosizdat, 1924. 180 s.

B. V. Kupriyanov

Country Children's Camp in Historical Retrospect

The article presents a new explanatory model of a country children's camp based on Michel Foucault's concept. The author offers to consider a summer camp as an integration of four options (speech discourses, cultural practices and types of social relations): «the summer camp as a military settlement», «summer camp as a sanatorium, summer camp as a commune», «summer camp as a dacha». Based on the analysis of materials of historical and pedagogical research and synthesis of data from different sources the author made a historical reconstruction of the origin and development of practices of country children's camps in the middle of the XIX – first quarter of the XX centuries.

Keywords: summer camp; history of education; M. Foucault's concept.